

НОРМАН Б.Ю.
Минск, Республика Беларусь

УДК 81'367.7
DOI 10.26170/pla20-01-06

О КРИПТОТИПЕ АКЦИОНАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье исследуется скрытая категория акциональности, или контролируемости действия. Она занимает свое место среди других криптотипов русского языка. В научной литературе принято разделять глаголы на акциональные (например, *прыгать*) и неакциональные (например, *пахнуть*). Не имея собственных средств выражения, акциональность реализуется через особенности синтаксического построения высказывания. В частности, она проявляется в требовании общего производителя действия у основного сказуемого и у деепричастия. Показано также проявление акциональности в конструкциях с притяжательным местоимением *свой*: при понижении синтаксического ранга существительного употребление *свой* становится проблематичным. Приводятся многочисленные примеры из русской художественной литературы, газетных текстов и научной речи.

Ключевые слова: акциональность, контролируемость действия, субъект, производитель действия, деепричастие, притяжательное местоимение

NORMAN B. YU.
Minsk, Belarus

ABOUT THE CRYPTOTYPE OF ACTIVITY IN RUSSIAN

Abstract. The article explores the covert category of activity, or controllability of action. It takes its place among other cryptotypes of the Russian language. In the scientific literature, it is customary to separate verbs into action (e.g., *jump*) and non-action (e.g., *smell*). Having no own means of expression, the activity is realized through the features of the syntactic construction of the utterance. In particular, it manifests itself in the requirement of a common producer of action for the main predicate and for the participle. Also shown is the manifestation of activity in constructions with a possessive pronoun *svoy*: when lowering the syntactic rank of a noun, using of *svoy* becomes problematic. Numerous examples from Russian fiction, newspaper texts and scientific speech are given.

Keywords: activity, controllability of action, subject, producer of action, participle, possessive pronoun

В данной статье будет затронуто несколько проблем, которые вначале могут показаться разнородными, независимыми друг от друга. Но в итоге они должны сойтись в некоторой общей картине.

Первая проблема – это классификация членов предложения в русской грамматике. Как известно, система членов предложения унаследована русской грамматикой от античной философии. Основы ее в течение длительного времени оставались незыблемыми, хотя и подвергались время от времени критике. В частности, проблему составляло разграничение несогласованных определений и косвенных дополнений, косвенных дополнений и обстоятельств. Другой объект лингвистической критики и попыток пересмотра – жесткая привязанность подлежащего к морфологической форме номинатива (вплоть до иронической максимы: «Подлежащее – это только другое название для именительного падежа»). В середине XX века формально-морфологические принципы классификации стали вытесняться семантико-синтаксическим подходом. «Придавая чрезмерно большое значение исключительно формальным, «внешним» признакам, традиционный подход признает подлежащим только имя или именное сочетание в именительном падеже и инфинитив. отождествление подлежащего с именительным падежом ведет не только к искусственному уменьшению числа моделей предложения в языке, но, прежде всего, предполагает поверхностное и ошибочное понимание синтаксических связей внутри предложения» [Guiraud-Weber 1978: 129]. Осознание этих противоречий приводит к укреплению позиций «актантно-ролевой грамматики» [Мустайоки 2006: 160-164; Левицкий 2011: 227 и др.] и к признанию возможности «подлежащего в косвенных падежах» [Шмелев 1976: 34-38; Попова 2009: 17-18; Циммерлинг 2012 и др.]. Но, как мы увидим далее, практическая реализация этих идей опирается в способы выражения семантических ролей.

Вторая проблема – скрытые грамматические категории. Впервые это понятие ввел в науку в 30-е годы XX века

Б.Л. Уорф [Уорф 1972]. Речь идет о тех грамматических значениях, которые не имеют своих собственных формальных (не только морфологических) проявлений, но обнаруживаются косвенным образом через поведение слова в контексте. В качестве примеров таких скрытых категорий, или криптотипов, Уорф приводил род английских существительных или непереходность английских глаголов. Применительно же к русскому языку ученые говорят, в частности, о скрытых категориях определенности / неопределенности или активности/инертности имени (последняя корреспондирует со школьной категорией «одушевленности»).

Еще одна скрытая грамматическая категория в русском языке – акциональность, или контролируемость глагольного действия (иногда ее называют также агентивностью или активностью). Именно эта категория будет далее в центре нашего внимания. Имеется в виду оценка некоторого действия как производимого кем-то (обычно – человеком) вполне осознанно и целенаправленно. С формальных позиций, глагол, обозначающий акциональное (контролируемое) действие, не может в совершенном виде употребляться в императиве с отрицанием. Нельзя сказать по-русски: *Не напиши!* *Не зайди к бабушке!* *Не прочитайте этот текст!* и т.п. Такой глагол может быть употреблен в императиве с отрицанием только в превентивном, предупредительном значении (когда контролируемость оказывается близка к нулю): *Только не отступись!* *Не опоздай!* *Смотри не зайди к бабушке раньше времени* и т.п.). Т.В. Булыгина, одна из первых занимавшаяся данной проблемой применительно к русской грамматике, подчеркивала: условием для выделения скрытой категории должен быть грамматический характер ее косвенного выражения [Булыгина, Шмелев 1997: 31]. И, говоря о криптотипе «контролируемого и неконтролируемого положения вещей» [Там же: 97], она видела его выражение в сочетаемости глаголов с идеей начинательности (ср. возможное *Царица хохотать*, но невозможное **Снег валить*), с обстоятельством цели, целевым инфинитивом (*Он летит оппонировать в Ленинград*, но **Стрела летит попасть в яблоко*) и т.п. По сути же оказывается, что отличие скрытой грамматической категории от «открытой» заключается в том, что выражение первой имеет

регулярный характер, а выражение второй – не просто регулярный, но обязательный.

В более поздних работах, в частности в [Гордиевская 2016], делается попытка систематизировать криптотипы русского языка на основании «аномалий синтаксического поведения». В частности, наряду с категорией контролируемости / неконтролируемости действия, выделяется «дочерняя» категория самостоятельности/несамостоятельности, а также категория активности/инертности [Там же: 131-133]. Мы не уверены, что такое дробление скрытых смыслов продуктивно, но несомненно, что во всех описываемых случаях запреты на образование морфологических форм и синтаксических конструкций имеют под собой семантическую природу.

На наш взгляд, имеются также основания обнаруживать скрытую категорию акциональности, или контролируемости действия, и в конструкциях с деепричастиями. Деепричастия в русской грамматике трактуются как категория, выполняющая в высказывании роль второстепенного (дополнительного) сказуемого, и, вместе с тем, характеризующая основное действие с обстоятельственной стороны: в аспекте времени, цели и др. Именно глагольная природа деепричастия определяет важную особенность его синтаксического поведения. В вузовском учебнике об этом говорится так: «У сказуемого и деепричастной формы предполагается один и тот же субъект» [Русский язык 2001: 616]. Это «правило односубъектности» сильно осложняется тем, что термин *субъект* в русской грамматике имеет несколько значений. Эти значения в чем-то совпадают, а в чем-то – пересекаются и дополняют друг друга.

В частности, в статье В.И. Сергеевой показывается, что такие понятия, как подлежащее, грамматический субъект, семантический субъект и логический субъект различаются набором составляющих их признаков [Сергеева 1983: 68]. А Г.А. Золотова, концентрируя свое внимание на субъекте предложения как семантико-синтаксической категории (это «синтаксически независимый компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака»), далее предлагает список из... 14 разновидностей субъекта. Среди них – и субъект действия (*Мастер работает*), и субъект состояния (*Ребенок*

спит), и субъект владения (*У соседа сад*), и субъект тематический (*С билетами повезло*), и субъект локативный (*За окном метель*) и т.д. [Золотова 1981: 33-35]. Понятно, что «каноническая» форма именительного падежа хотя и занимает в этом ряду особое место, но никоим образом не монополизирует в себе функцию субъекта.

Извечная антиномия формального субъекта («подлежащего в именительном падеже») и субъекта семантического («носителя предикативного признака») не только продолжает быть поводом теоретических споров, но и осложняет практические рекомендации.

Вот и в пособии Д.Э. Розенталя вначале говорится: «Действие, обозначаемое деепричастием (деепричастным оборотом), относится, как правило, к подлежащему данного предложения» [Розенталя 1999: 323]. Но, видимо, апелляция к подлежащему оказывается недостаточной, и автор тут же вынужден ввести понятие «производитель действия»: «Если же производитель действия, обозначенного глаголом-сказуемым, и производитель действия, обозначенного деепричастием, не совпадают, употребление деепричастного оборота стилистически ошибочно» [Там же]. Что касается подлежащего, то, как уже говорилось, любой школьник способен определить его по формальному признаку (обнаружив в предложении имя в именительном падеже). А вот что такое «производитель действия» – установить непросто. *Бабушка вяжет носок* – здесь производитель действия, конечно, *бабушка*. А в *Следы ведут во двор* производитель действия, очевидно, – *следы*. *Руки дрожат от холода* – кто или что здесь производитель действия? *Язык щиплет от кислого?* *Ключ сломался в замке?* *Чемпиона устраивает ничья?* *Награда нашла героя?* По отношению к множеству высказываний с «неканоническим» подлежащим вопрос «Кто производит действие?» кажется вообще некорректным.

Вывод напрашивается такой. Производитель действия – скрытая грамматическая категория, которая к тому же имеет нечетко-множественное устройство. Иными словами, в одних случаях мы можем с уверенностью сказать применительно к конкретной фразе: «Вот он, производитель действия», а в других случаях у нас такой уверенности нет, понятие субъекта как про-

изводителя действия размывается. Носитель языка ощущает разную «степень субъектности», представленную, допустим, в таких высказываниях, как: *Президент хочет изменить конституцию; Гренландия хочет изменить конституцию; В Гренландии хотят изменить конституцию; Конституцию Гренландии хотят изменить; Изменения в Конституции Гренландии ожидаемы и своевременны* и т.п. Степень определенности и активности субъекта действия понижается здесь по направлению от первого примера к последнему.

Следует сказать, что градуальная природа «скрытых» грамматических смыслов неоднократно отмечалась лингвистами. В «Коммуникативной грамматике» трех российских авторов допускается как усиление акциональности признаком интенсивности, так и ослабление ее до степени инволютивности [Золотова, Ониненко, Сидорова 1998: 134-135]. Словенская исследовательница А. Желе выстраивает градацию агентивности в словенском языке от «производителя/ виновника/ инициатора» до «фиктивного подлежащего» [Желе 2011: 96-99]. Естественно, разные степени агентивности привязываются ею прежде всего к глагольным формам – к личным, пассивным, безличным и т.п. А М.Л. Гордиевская, анализируя в уже упомянутой статье довольно широкий круг русских конструкций, замечает по конкретному поводу: «Состояние *смеяться* представляется носителям русского языка более контролируемым, чем *сердиться*» [Указ. соч.: 131]. Действительно, градуальное понимание криптотипа акциональности означает, что степень агентивности субъекта в сознании может быть неодинаковой, и разные синтаксические конструкции способны эту степень отразить.

Попытавшись экспериментальным путем измерить ту или иную степень субъектности, представленную в разных высказываниях, мы обнаружили, с одной стороны, сильную связь этого понятия с морфологическим показателем именительного падежа (школьная грамматика делает свое дело!), а, с другой стороны, с лексической семантикой имени – а именно с его личностью, то есть способностью обозначать человека [Норман 1994: 164-170]. Степень акциональности субъекта автоматически понижается в пассивных и безличных конструкциях, а также при переводе

субъекта в синтаксически зависимую позицию (ср. приведенные выше примеры с «конституцией»).

Вернемся теперь к деепричастиям. Судя по речевым данным, правило «односубъектности» («У сказуемого и у деепричастного оборота должен быть один и тот же субъект») нуждается в уточнении. Так, по-русски вполне естественно выглядят следующие фразы:

Дорожное полотно регулярно очищается от снега.

Дорожное полотно поддерживается в надлежащем состоянии.

Но стоит объединить эти две пропозиции в одну, трансформировав одну из личных глагольных форм в деепричастие, как вся конструкция становится весьма сомнительной:

Регулярно очищаясь от снега, дорожное полотно поддерживается в надлежащем состоянии.

И это – несмотря на то, что оба действия – и основное, и второстепенное – относятся к одному и тому же субъекту. Но этот субъект недостаточно активен! По-видимому, правило синтаксического употребления деепричастных оборотов в русском языке следовало бы переформулировать так: оборот должен относиться не просто к подлежащему, но – к наименованию **производителя действия**, т.е. к активному субъекту. В зависимости от степени акциональности последнего и находится правомерность подстановки деепричастного оборота.

Условие кореферентности субъекта основного действия и субъекта «деепричастного действия» – сравнительно позднее требование нормативной русской грамматики. И нас интересует, насколько человек ощущает эту категорию: это действительно категория самого языка (пусть скрытая) или требование нормативной грамматики? Работает ли это правило в так называемой наивной грамматике носителя языка?

С одной стороны, конструкция типа «Подъезжая к сей станции, у меня слетела шляпа», навсегда высмеянная А.П. Чеховым, служит классическим примером синтаксической и стилистической ошибки. С другой стороны, она остается вполне живучей в русскоязычном обиходе. Приведем несколько литературных примеров.

Относя письмо в почтовый ящик, у меня украли в номерах «Стоимость» пальто брата твоего, булочника (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев; из письма отца Федора).

Картина между тем начинала увлекать. Глядя на Пенелопу, Лобышева переставало интересоваться колено девушки (А. Битов. Пенелопа).

Ногой мурлыке дав пинка,
К галошам тянется рука

(М. Крепс. Русский Пигмалион).

В цифрах есть нечто, чего в словах,

Даже крикнув их, нет

(И. Бродский. Полдень в комнате).

Конечно, в подобных словоупотреблениях можно усмотреть элемент иронии, пародирования, игры с читателем. Но, как писал Л.Н. Мурзин, одно и то же языковое явление может, как двуликий Янус, поворачиваться к нам своими разными сторонами: то это – ошибка, а то – прием [Мурзин 1989: 5].

И в современных газетных текстах, без какой бы то ни было дополнительной коннотации, мы встречаем подобные построения:

Кроме того, построив трубопровод, центральноазиатская нефть потечет через Украину и Белоруссию в Европу, миную, естественно, Россию («Комсомольская правда», 27.02.2007).

Понимая, что бедствие когда-нибудь повторится, был принят разработанный еще в конце XIX века план использования российских черноземов («Комсомольская правда», 29.07 – 04.08. 2010).

В разговоре с директором стадиона В. Генаишвили, позвонив ему из редакции, было уточнено, что на каждый матч может быть продано 20.085 мест... («Известия», 09.04.1987).

Очевидную «опасность» для употребления деепричастных оборотов представляет ситуация, когда основное сказуемое в предложении стоит в пассивной или безличной форме. Однако, с другой стороны, по нашим данным, нарушение упомянутого правила «односубъектности» встречается не более, чем в 5-6 % конструкций с деепричастными оборотами. Следовательно, в сознании носителя языка оно так или иначе представлено, работает.

Со скрытой категорией акциональности субъекта связано, на наш взгляд, и употребление притяжательных местоимений в русском языке – это четвертый интересующий нас вопрос. Се-

мантика и прагматика этих местоимений заслуживает внимания и сама по себе, но, кроме того, стилистам и редакторам хорошо известна проблема, связанная с возможностью замены посессивов 1-го лица *мой* и *наш*, 2-го лица *твой* и *ваш*, 3-го лица *его*, *ее* и *их* «вселичным» местоимением *свой*. Можно сказать по-русски *Я забыл мою куртку /свою куртку, Принеси мне твой конспект / свой конспект* и т.д. Однако такая замена правомерна только тогда, когда субъект в высказывании обладает достаточной степенью акциональности (агентивности), коррелирующей с синтаксическим рангом существительного. В противном случае замена на *свой* чревата стилистической ошибкой.

Свой в русском языке, вообще-то, – довольно каверзное слово, у него множество значений: и ‘собственный’, и ‘особенный’, и ‘соответствующий’... Словарь [БТСРЯ] начитывает у *свой* 5 основных значений, не считая многочисленных фразеологизованных. Иногда эти значения еще и комбинируются, складываются друг с другом. Покажем на примерах из художественных текстов, как употребление местоимения *свой* при пониженном ранге субъекта приводит к двусмысленности или коммуникативным недоразумениям. Простейший случай – номинализация фразы, с преобразованием глагола в отглагольное существительное.

Разумеется, смешно объяснять многочисленные, да что там – бесконечные войны Фридриха желанием доказать **свой** полководческий гений (Ю. Нагибин. Перед твоим престолом).

Совершенно естественно по-русски сказать – *Фридрих доказывает свой полководческий гений*. Но синтаксическое понижение в ранге субъекта и преобразование фразы в *Желание Фридриха доказать...* требует выбрать далее – *его* (а не – *свой*) *полководческий гений*.

История, которая с ним случилась, произошла во время визита в нашу страну шаха Ирана Реза Пехлеви со **своей** очаровательной супругой шахиней Сорейей. Шума и треска тогда было много (Л. Дуров. Байки на бис).

Точно так же в данной ситуации сказать *Шах приехал со своей супругой* – абсолютно правильно. Но если сказано *Визит шаха...*, – то далее должно быть выбрано местоимение 3-го лица: *с его супругой*.

В случае, если в высказывании упоминается несколько субъектов, употребление слова *свой* приводит к двусмысленности:

*Он ночевал по знакомым и строчил жалобы во все инстанции. ... Он известил горком партии о сожительстве директора со **своей** секретаршей* (М. Веллер. Легенды Невского проспекта).

Грамматически правильны глагольный вариант *Директор сожительствовал со своей секретаршей* и номинативный *Соужительство директора с его секретаршей* (о моральной стороне этой ситуации не будем говорить). Но из оригинальной цитаты можно не понять: кто сожительствовал с секретаршей: директор или сам жалобщик («он»)? Словоформа *он* обладает в высказывании более высоким субъектным статусом, чем словоформа *директора*, и потому может «перетянуть» к себе в подчинение зависимое слово *секретарша*.

Аналогичные ситуации мы встречаем в газетных текстах.

После перерыва председательствующий предлагает подсудимому Бухарину продолжать показания о **своей** антисоветской деятельности («Общая газета», 9-15.07.1998).

Понятно, что речь идет об «антисоветской деятельности» Бухарина, а не председательствующего. Но в принципе фраза построена синтаксически рискованно, если не сказать – неудачно.

При этом комиссар должен был стать «прямым начальником для всего личного состава и обязывался «всемерно помогать командиру честно и самоотверженно выполнять **свои** служебные обязанности» («Известия», 20.04.1996).

О чьих обязанностях здесь идет речь: комиссара или командира? Только то, что слово *свои* находится внутри заковыченной цитаты, позволяет правильно понять смысл фразы. Но определение *его* к слову *обязанности* сделало бы это быстрее и точнее.

Сделав снимки с разных сторон, оставляем зверя на **своем** надежном месте («Комсомольская правда», 21-27.04.2011).

Судя по всему, это место надежно для зверя (то есть *на его надежном месте*), а не для охотников или фотографов.

Не минует подобная ошибка и лингвистические труды, ср.:

Тем не менее от подобных вопросов не всегда удается уйти. В Москве в последний **свой** приезд меня остановил мужчина на улице и спросил: «Разве можно прожить жизнь без Библии?» (сб. «Антропотекст-1». Томск, 2006. С. 51).

Чей приезд имеется в виду: мужчины или автора статьи?

Оживляется критика и внутри ФРГ: журналист В. Белих публикует в «Меркуре» статью, в которой приписывает Вайсгерберу использование нацистской терминологии в **своей** концепции и извращает позицию Вайсгербера во времена нацизма (Предисловие к кн.: Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004. С. 32).

И опять позволительно спросить: о чьей концепции идет речь: Вайсгербера или журналиста – его критика?

Перед нами, таким образом, системная ошибка, основанная на том, что уменьшение акциональности субъекта (происходящее, в частности, при трансформации глагола в отглагольное имя) ограничивает возможности употребления местоимения *свой* [Норман 2017: 72-73]. Это правило недостаточно жесткое, оно имеет не грамматический, а стилистический характер. Тем не менее, раз подобные примеры останавливают на себе взгляд лингвиста (и читателя), требование акциональности субъекта остается психолингвистической реальностью.

Нам было важно показать, что в глубине каких-то языковых фактов (в том числе нарушений грамматических правил) лежат механизмы психологической (психической) деятельности. В частности, если какая-то категория не имеет своего собственного выражения, а реализуется через «чужие» средства, да при этом еще обладает градуальным или нечетко-множественным характером, то в сознании говорящего семантическая оппозиция нейтрализуется, признаки, ее образующие, теряются и смешиваются. Однако через косвенные проявления, через особенности построения фразы данная скрытая категория все же дает о себе знать.

Литература

БТСРЯ – Большой толковый словарь современного русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.

Гордиевская М.Л. Скрытые категории русского языка и формирование синтаксического «запрета»: К постановке проблемы // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. 51. – Warszawa, 2016. – С. 120-139.

Желе А. Выражение разных степеней агентивности в словенском языке // *Грамматика и лексика у словенским језицима. Зборник радова с међународног симпозијума* / Гл. уред. С. Танасић. – Нови Сад – Београд, 2011. – С. 95-112.

Золотова Г.А. О субъекте предложения в современном русском языке // *Филологические науки*. 1981. № 1. – С.33-42.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.

Левицкий Ю.А. Наши грамматики // Грамматика разноструктурных языков. Сб. ст. к юбилею В.Ю. Копрова. – Воронеж, 2011. – С. 222-228.

Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование. – М., 1989. – С. 5-13.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам. – М., 2006.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Норман Б.Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. – Екатеринбург, 2017.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж, 2009.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 2-е изд. – М., 1999.

Русский язык / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М., 2001.

Сергеева В.И. Многофакторность субъекта предложения // Содержательные аспекты предложения и текста. Межвузовский тематический сборник / Отв. ред. И.П. Сусов. – Калинин, 1983. – С. 61-68.

Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя / Отв. ред. Б.А. Успенский. – М., 1972. – С. 44-60.

Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия А.В. Бондарко / Отв. ред. М.Д. Воейкова. – М., 2012. – С. 568-590.

Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.

Guiraud-Weber M. Классификация простого предложения и ее последствия для типологии языков // *Revue des études slaves. Communications de la Délégation Française au VIII^e Congrès International des Slavistes.* Zagreb (3-9 septembre 1978). – Paris. L I/1-2. – P. 129-137.

©Норман Б.Ю., 2020

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Адрес: 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: boris.norman@gmail.com

Norman Boris Yustinovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University (Minsk, Belarus)